

ФРАГМЕНТЫ ФИЛОСОФИИ ДУХА ИВАНА ИЛЬИНА

Проблемы духовной культуры, духовного делания, жизни в духе истины, добра и красоты решались в русской философии больше в русле религии православия и философии религии, чем с точки зрения общечеловеческих ценностей. Хотя они (философы) и понимали, что пути обретения духовности могут быть различными – научным, художественным, обыденным, политическим, а не только религиозным, однако в своем творчестве они ориентировались, все же, на божественное откровение, благодать и т.д.

Формализовать структуру духа, выделить аксиомы, основания, понятия, идеалы, духовность однозначно видимо нельзя и поэтому в различных своих произведениях эти мыслители несколько по-разному рассматривают онтологические, гносеологические и иные аспекты духовности опыта, актов духовного просветления и т.д. Жизнь в духе чаще всего отождествляется с жизнью в Истине, прекрасном, справедливом, глубине и цельности [Ильин И.А. – Т.3. – с.226]. Понимание человека как живого, личного духа, который утверждается в духе и воплощается в теле личности или индивида, требует от личности приобщения к свету науки, истины, религии. И здесь появляется у человека чувство радости открытия и счастья исполненного долга, которые иногда называют блаженством.

В отечественной духовной культуре существуют основоположения духовного опыта, которые у Ильина, Франка,

Булгакова и др. религиозных мыслителей сформулированы в качестве аксиом опыта религиозного. Хотя они и подчеркивают, что духовный опыт не сводится к религиозному, а связан с научными поисками истины, с художественным творчеством прекрасного и служением родине. Уяснение некоторых общих основ духовности – творчества, культуры, науки и т.д. – как они были сформулированы в отечественной философии конца XIX - XX веков – наша задача.

“Первое, что открывает нам духовный опыт и в чем он утверждает нас с окончательной (ясностью – В.П.) очевидностью, состоит в том, что человек есть дух, т.е. не телесная творческая энергия со своими особенными ценностями и целями, с особыми критериями, с высшими жизненными формами и законами: это законы и формы духовной самостоятельности, свободы и самоосвобождения, достоинства, ответственности, совершенствования, очищения, богосыновства, любви, свободы и бессмертия. Человек, живущий этим опытом, привыкает с полным и удостоверенным основанием почитать себя личной – единственной и в своем роде и своеобразии своем неповторимой “искрой” Божией и утверждать себя в этом достоинстве. Он знает призвание этой “искры” – духовно преобразить все свое существо, так, чтобы цельно и художественно осуществить Божию идею (Аристотель сказал бы “энтелехию”), составляющую живую основу ее бытия. Стать художественным произведением Господа – дано, по - видимому, немногим; но само призвание к этому осмысливает для каждого из нас всю нашу жизнь и оправдывает ясновидящее слово Преп. Серафима Саровского: “Господь заботится о каждом из нас так, как если бы он у него был единственным” [Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта М., 1993. – с.411 – 412].

Приведенная структура духовности в работе “Поющее сердце” Книга “тихих созерцаний” уточняется в том смысле, что духовное творчество или нетелесная энергия имеет, во - первых, формы – духовной самостоятельности и свободы, во - вторых, законы духовного достоинства и ответственности, в-третьих, пути духовного очищения и совершенствования, и, наконец, состояния

бессмертия и богосыновства, т.е. избранности и призванности [Ильин И.А. Т.3. – с.345].

Реальнейшая реальность (Иванов Вяч.) или дух, обладает формами и законами, путями и состояниями, ценностями и целями, критериями и аксиомами, основаниями и идеалами, основоположениями и актами и т.д.

Духовность человека отнюдь не совпадает с сознанием, отнюдь не исчерпывается мыслью, отнюдь не ограничивается сферой слов и высказываний. Духовность глубже всего этого, могущественнее, богаче, значительнее и священнее.

“Духовность человека состоит прежде всего в уверенности, что в пределах его собственной души есть лучшее, и худшее на самом деле лучшее; такое качество и достоинство которого не зависят от человеческого произвола; такое, которое надлежит признать и перед которым подобает преклониться. К этому лучшему и высшему надо прислушиваться, сосредоточенно испытывать его, вникать в него, предаваться ему. И по мере того, как человек осуществляет это, он убеждается в том, что это высшее и лучшее совсем не исчерпывается его личными пределами, но является в нем самым как бы излучением и энергией действительно Высшего и Совершенного Начала, которому он и предстоит на протяжении всей своей жизни. Приобщаясь этому началу, духовный человек не может не радоваться Ему, не может не возжелать Его и не полюбить Его. И очень скоро он удостоверяется в том, что это радование естественно драгоценно и целительно, что это желание драгоценно и жизненно необходимо, что эта любовь открывает ему настоящий доступ к жизненному свету, к истинной свободе, к подлинному бытию и личному духовному достоинству. В этом желании духовный человек научается преклоняться перед Богом, чтить самого себя, видеть и ценить духовность во всех людях и желать творческого раскрытия и осуществления духовной жизни на земле. Это и есть суцая культура.” [Ильин И.А. Путь к очевидности. – Т.3. – с.399 – 400].

Развернутое определение духа И.А.Ильин дает в Главе “О духовности религиозного опыта”. Завершающая дефиниция звучит так: “Будет понятно, если мы определим дух как потребность

священного и как радость верного ранга; если мы опишем его как дар молитвы, как силу поющего сердца и как жилище совести; если мы обозначим его как месторождение художественного искусства; (научного творчества, технической изобретательности – В.П.) как источник правосознания, истинного патриотизма и национализма, как главную основу здоровой государственности и великой культуры...

В действительности дух есть – все это сразу. Но это надо непременно испытать и увидеть самому; необходимо духовно прозреть. Слепой не может осмыслить и принять учение о живописи” [Ильин И.А. – 1993. – с.52]. Возможно И.А.Ильин не совсем прав, когда утверждает, что глухим и слепым недоступно искусство музыки и живописи. Они слышат и видят глазами и ушами всего человечества [См. статью Э.В.Ильенкова о слепоглухонемых детях]. Духовная жажда – условие возможности ее удовлетворения не только в религии, но и в искусстве, науке и т.д.

Завершающей дефиниции предшествуют восемь положений, в которых разворачивается и обосновывается “Философия духа и характера”. Рассмотрим некоторые.

Первое основоположение духовности или первый пункт в дефиниции духа звучит в “Аксиомах религиозного опыта” И.Ильина “Дух есть самое главное в человеке. Каждый из нас должен найти и утвердить в себе свое “самое главное” – и никто другой заменить его в этом нахождении и утверждении не может” [Ильин И.А. – 1993. – с.51]. Здесь трудно судить об осознании или рефлексивности этого главного, которое может определять нас и без нашего ведома. Причем дача самоотчета о самом главном в себе – изменяет это самое главное, погружает его в сущность второго порядка и так до бесконечности. Верное чувство “Главного”, верное мнение о нем и истинное знание “Самого главного” – различны и процесс их нахождения, а тем более утверждения в себе – достаточно сложен.

В первой части самого известного триптиха “Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий” И.А.Ильин, в § 68, “Главное”, пишет: “Несчастье современного человека велико: ему не хватает

главного – смысла жизни. Он должен отправиться на поиски. И пока он не найдет главного, беды и опасности будут подстерегать его все чаще и чаще” [Ильин И.А. – Т.3. – с.214]. Уяснив смысл жизни отдельного человека в потребности любить, молиться и творить, И.А.Ильин почему-то не обращается к известным произведениям С.Л.Франка, Трубецкого о смысле жизни, а предпочитает указать на то, что научные достижения и технические изобретения сами по себе не хороши и не плохи, но могут стать как инструментом всеобщего разрушения, так и благого строительства. Этими потенциями нельзя злоупотреблять, что совершенно верно. “Как” – человеческой жизни, т.е. богатство благами низшего порядка, развивается безостановочно. Но – “зачем” – земной жизни, незаметно затерялось. Да незаметно: было лишь несколько столетий духовной рассеянности” [Ильин И.А. –Т.3. – с.213]. Человечество перестало понимать смысл своей истории. Уяснилось отсутствие того, чего оно хочет еще, кроме материального благополучия.

“Главное” – есть ценнейшее, важнейшее, мера блага, критерий решения, движущая сила личности. “Самое главное” – есть всеопределяющее и всепревозмогающее. Тут нет места для “случайного интереса”. Побуждения “моды” здесь мертвы и безразличны” [Ильин И.А. – 1993. – с.54]. Различия этого определения “главного” в религиозном опыте как благоговении и преклонении перед Священностью правильного, а не оргиастического или мистического, спиритуалистического или иного неверного, в духовном опыте как смысле жизни, не случайны. Они оправдываются многомерной противоречивостью каждой из этих категорий, которые в разных аспектах выступают иными своими гранями и, по слову Юшкевича старшего, изменяют блеск, двоятся, колышутся и т.д.

Ильин полагает, что “религия есть самое реальное в жизни верующего; и религиозному опыту принадлежит главное значение и главное место в душе человека. Всюду, где религия является делом “случайного интереса”, “моды”, “салонного увлечения”, или же делом любопытства и развлечения, или, еще хуже, делом практической пользы, расчета и спекуляции, или же самое худшее,

делом похоти и сладострастия, - всюду она низводится и совлекается, она теряет свой духовный ранг и перестает быть религией” [Ильин И.А. – 1993. – с.54]. Но это же относится и к истинной науке, правильному искусству, верной политике и т.д. И наука – самое реальное в жизни ученого; научному опыту принадлежит главное место в душе человека ученого. Художественному опыту принадлежит главное место в душе артиста и т.д. И пасть может не только верующий или религия. Лысенковщина, гонения на писателей и т.д. демонстрируют это. Хотя следует учесть и субъективные факторы отношений гениев, например, Достоевского и Тургенева. В их неприязни Литература не перестает быть литературой. И пародия на Тургенева в “Бесах” все же остается художественным творчеством.

Прочитируем второй пункт определения духа по И.А.Ильину. “Дух есть сила личного самоутверждения в человеке, - но не в смысле инстинкта и не в смысле рационалистического “осознания” состояний своего тела и своей души, а в смысле верного восприятия своей личностной самости, в ее предстоянии Богу и в ее достоинстве. Человек, не осознавший своего предстояния (предназначения – В.П.) и своего достоинства, не нашел своего Духа” [Ильин И.А. – 1993. – с.51]. Духовное самоутверждение личности связано с преодолением расщепленности как внутренней так и внешней. Внутренний раскол человека – несчастье, отсутствие радости, погоня за “двумя зайцами”. Личная самостность человека в духовном опыте обнаруживается через цельность человека. И если этой цельности нет, то раздвоенный человек всегда неудовлетворен. “Исполнение его (духовно расколотого человека – В.П.) желаний не дает ему радости, потому что он и в самом желании своем остается расколотым и не способным к цельной радости. Никакое внешнее счастье не делает его счастливым, потому что он внутренне несчастлив от своего распада. Никакой жизненный успех не дарует ему ни наслаждения, и успокоения. У него не хватает внутреннего органа для того, чтобы быть счастливым. Этот внутренний орган называется гармонией, согласованной тотальностью (т.е. целокупностью) влечений и способностей,

единением инстинкта и духа, согласиём между верой и знанием” [Ильин И.А. Путь к очевидности. – Т.3. – с.416]. Самость расколотого духовно человека, самостояние личности и ее самоутверждение невозможны. И спасение только в цельности, которая преодолевает описанную болезнь духа, например, Ставрогина, князя Мышкина.

Отсутствие самоутверждения у человека вызывает то, “что он не умеет владеть своим достоянием и не способен принять приобретенное им богатство. Увидев Свет, он знает, что это “свет”, но он не созерцает радостную светлость этого света и остается к нему безразличным” [Ильин И.А. Путь к очевидности. – Т.3. – с.418]. Он не может решить истина это или нет, так как неспособен к целостной очевидности.

В “Аксиомах религиозного опыта” утверждается, что этот опыт “начинается с верного обретения своей собственной духовности, своей лично - духовной самосуты в ее предстоянии Богу и в ее достоинстве. Сущность религиозного опыта состоит в обращении к Богу; но именно обращение к Богу делает человека духом. Обращаясь к Богу, человек испытывает себя “предстоящим”, и душа его осязает трепет и благоговение. Благоговение есть проявление духовности, дар духа и признак духа. Человеку естественно испытывать сокровенный трепет, обращаясь к Богу; и этот трепет свидетельствует о его духовности. Человек, не знающий этого, лишен духа. Он никогда не поймет того первичного явления религиозности, в силу которого душа человека, обращаясь к Богу, испытывает свое недостоинство и именно этим испытанием своего недостоинства утверждает свое духовное достоинство” [Ильин И.А. – 1993. – с.54]. “Благоговение перед жизнью” А.Швейцера коренится именно в благоговении перед Богом, поскольку реализация последнего в жизнь в действительность – невозможна без освящения этой действительности, существующей материи, в которой воплощаются божественные намерения, открытые человеку творящему, проникшему в реальнейшую реальность.

Проблема личного самоутверждения, духовной самодостаточности, предстояния и предназначения, достоинства

личности неотрывна от вопроса о центре личной жизни, который позволяет скоординировать оценку меня другими и самооценку человека. “Кто я? Я то, что я искренне есть. Я то, о чем от всего сердца, откровенно, не колеблясь высказываюсь. Я то, на чем моя сущность сосредотачивается в любви и возносит молитву. Меня надо искать там, где во мне исчезают боязнь и страх. Меня можно найти там, где во мне созревают судьбоносные решения, где начинаются решительные и смелые поступки моей жизни. Я там, где действую. Я то, что делаю. Тут я “действительно”; и это также моя “действительность”. Я – мое “око”, Я – мое “серце”, Я – мое “слово”, которое образуется из “понимания” сердца. Я – мое “деяние”, которое следует моему оку, сердцу, слову. И если все это есть я, тогда мне не достает лишь последней уверенности, что это действительно я. А если у меня эта уверенность есть, тогда я ношу в себе истинный источник своего личного достоинства, и меня не выведут из себя чужие пересуды и лепетанье.

...Мир можно исцелить лишь духовным достоинством и верностью, лишь мужеством быть тем, кто ты есть” [Ильин И.А. – Т.3. – с.222]. Духовное достоинство и верность, мужество и предназначение, предстояние и благоговение, сокровенный трепет души и испытания являются компонентами силы личного самоутверждения человека в духе как центре личной жизни.

Остальные основоположение за недостатком места просто перечислим. Третье основоположение духовности и дефиниции духа указывает, что “дух есть живое чувство ответственности. Нашедший его в себе и утвердившийся в нем – ведет духовную жизнь” [“Аксиомы...” – 1993. – с.52]. Законы духовного достоинства и ответственности взаимно дополняют друг друга. Не бывает недостойной ответственности и ответственного недостойства.

Следующее основоположение философии духа и характера И.А.Ильина формулируется так: “Человек, испытывающий свое предстояние Богу, свое достоинство и свою ответственность, несет в себе живую волю к Совершенству. Поэтому дух можно было бы определить как волю к Совершенству – а также к совершенствованию – в самом себе, в своих деяниях и во внешнем

мире” [Ильин И.А. – 1993. – с.52]. Воля к Совершенству в искусстве связана с духовным и естественным вкусом. Художественное творчество создает новое не произвольно, а в соответствии с необходимостью прекрасного из обновленного духа и из глубоко чувствующего сердца. “Подлинная духовная глубина имеет свои особые законы, не поддающиеся субъективному произволу и не заменимые никакими нарочитыми изобретениями или выдуманными “конструкциями” [Ильин И.А. Путь к очевидности. – Т.3. – с.449]. Новое искусство создаст новые духовные содержания, сотворит новые формы, не выходя при этом за пределы духовной необходимости, в которой лежит критерий дозволенного и мера допустимого.

Следующее основоположение философии духа И.А.Ильин излагает так: “Воля предполагает способность узнавать лучшее, отличать худшее и дурное, видеть Совершенное и принимать его. Поэтому дух есть дар очевидности” [“Аксиомы...” – 1993. – с.52]. Очевидность как и предметность наиболее характерные категории для философии И.А.Ильина.

Следующее основоположение определения духовности у И.А.Ильина: “Верное отношение к Совершенству есть отношение любви и служения. Поэтому дух можно было бы описать как бескорыстную любовь к самоотверженному служению” [“Аксиомы...” – 1993. – с.52].

Следующее основоположение дефиниции духа по Ильину: “Все эти дары дают человеку способность верно управлять собой и верно строить свою жизнь. Поэтому дух есть сила личного самоуправления, и первым проявлением ее является духовный характер человека” [“Аксиомы...” – 1993. – с.52]. Дары очевидности и предметности, цельности и бескорыстной любви, ответственности и остальное, позволяют личному духу человека обрести главное призвание и отличительную способность самостроительства и самоуправления. Воспитать человека значит приучить его к самостоянию и самообладанию во всех областях жизни. Человек созрел тогда, когда он научился самостоятельно наблюдать, исследовать и мыслить; когда он приобрел способность ставить себе жизненные цели и удачно осуществлять

их верными средствами; когда он выработал характер, т.е. систему необходимых духовных актов: акт совести, акт мирозерцания, акт волевого самоуправления, акт правосознания, акт дисциплины и т.д.

Еще одно основоположение философии духа и характера И.А.Ильина связывает духовность с идеей свободы. “Дух есть дар свободы, данный человеку в зачатке от самой природы; в то же время он есть живая сила самоосвобождения и в заключительной стадии (вероятно – посмертно) – полнота личной свободы” [“Аксиомы...” – 1993. – с.52]. Кроме написанного о свободе как ответственности ранее, следует заметить, что “человек есть личность и призван утверждать и развивать в себе личное начало: т.е. стать в порядке мироздания духовно - изволяющим и излучающим центром. Иными словами – свободным существом.

Дух человека свободен уже от природы; но свобода эта дается ему в зачаточном виде.

Свобода состоит совсем не в изъятии законов причинности, воздействия, влияния, наследственности, эволюции, истории и т.д., а способности возобладать над этими законами владеть ими и подчинить их своим духовным целям” [“Аксиомы...” – 1993. – с.59]. Духовность это не индетерминизм, а власть над причинами, не метафизический произвол, непредусмотрительность и т.д., а способность добровольно и целюсообразовывать свои цели и действия, смысл жизни и идеалы с необходимыми законами бытия. “Дух есть дар выбора, предпочтения и самоопределения. ... Дар свободы растет в процессе самоосвобождения; он может и должен стать сущим духовным искусством; он может привести человека к полноте свободы – в Боги” [Ильин И.А. – 1993. – с.59 – 60]. Самореализация в самоосвобождении возможна только как очищение и катарсис, через полноту духовной свободы. Человек не может жить без свободы потому, что без нее нет путей к достойной жизни, нет возможности достичь духовности [Ильин И.А. Путь к очевидности. – Ч.Ш. – Гл. 15. “О свободе”].

“Всякое творчество человека требует свободы: добровольного самовложения, созерцающей инициативы, личного почина, любви и вдохновения” [Ильин И.А. – Т.3. – с.507]. Таково

заключительное основоположение философии духа и характера Ивана Александровича Ильина. Рассмотренные восемь основоположений философии духа Ивана Ильина, конечно же, не исчерпывают даже его понимание духовности. Кроме того, желательна сопоставление этой концепции с некоторыми фрагментами философии душевной жизни С.Франка [Философия. Культура. Жизнь. – Межвуз. сб. науч. работ. – Днепропетровск: Наука и освіта., 2000. – с.172 – 178]. Но это задача дальнейшего исследования.